

ОСВОЕНИЕ ЦЕЛИННЫХ ЗЕМЕЛЬ — ВОЕВОЕ ЗАДАНИЕ ПАРТИИ И ПРАВИТЕЛЬСТВА

В ДОРОГУ ДАЛЬНОЮ!

РЕПОРТАЖ

1. В трех просторных комнатах комсомола не протолкнуться: комсорги пришли на совещание, отбывающие — снимаются с учета, с ними — провожающие. Все новые и новые парни и девушки протискиваются в комнату.

— Где тут заявления принимают? — громко спрашивает коренастый парень.

В углу комнаты две девушки шепчутся с третьей, сидящей за столом. Это Зоя Голубева, заместитель секретаря комитета комсомола автомобильного завода имени Сталина; она принимает заявления. Сероголовая девушка с длинными ресницами, теребя в руках тетрадку, спрашивает Зою:

— Куда направляют?

— В Алтайский край.

— А надолго?

— Срок неопределенный. Сколько потребуется.

— А счетоводы там нужны будут?

— Трудно сказать. Надо быть готовой ко всякой работе. Может, придется переучиваться. Так что обдумайте все хорошенько и тогда подавайте заявление.

— А мы уже написали, — отвечает девушка, раскрывая тетрадку. На чистой страничке крупным старательным почерком выведено заявление, на следующей — еще одно. Лида Егорова, счетовод заводоуправления, решила ехать вместе с подружкой, вместе с нею она хочет ехать в первых рядах, как написано в заявлении. Возмущаясь и краснея, Лида осторожно вырывает из тетрадки листки и протягивает их Голубевой.

Когда девушки выходят из комнаты, Лида тяжело вздыхает:

— Ну вот и все. Трудно первый шаг сделать, а потом уже не так трудно. Правда?

Коренастый парень протиснулся, пахнул к столу.

— Принимаю заявление, — возбужденно говорит он. — Я хочу поехать с первой очередью.

— Где же ты раньше был? Раздумывал?

— Я сегодня из отпуска. Только вышел на работу, а тут такое...

Зоя Голубева спрашивает Анатолия Кузьмина: год рождения, образование, с какого года в комсомоле?

— Вот тут, честно признаюсь, отстал. Не состою. Там придется вступать.

Заместитель секретаря тут же на месте решает: принять заявление, раз такое дело, только что из отпуска вернулся...

— А успеешь? Ведь первый отряд сейчас поедет в горком получать путевки.

— Успею. С начальником цеха я уже договорился.

Голубева протягивает Кузьмину направление, и тот стремительно выбегает из комнаты. К столу подходит Саша Павлов.

— Из какого цеха?

— Заводной мост.

— Опять «заводной мост»? И тут рекорды ставите.

Голубева пристально разглядывает Павлова. Юное лицо с нежным пушком на подбородке. Взгляд открытый, решительный. Восемнадцать лет, но руки крепкие, мускулистые.

— Ты учи, Павлов, трудно будет.

— Знаю, — коротко бросает Павлов.

— А условия знаешь? Придется, там ничего нет. Стень, пустыня, одним словом, целина... Видно, Голубева сама не очень-то хорошо представляет себе эти «условия».

— Жить придется в палатках.

— Ну что ж, условия подходят, — Павлов солидно кивает головой.

Видно, что парень твердо решил ехать, Голубева протягивает руку за направлением, чтобы заполнить его.

— С родителями договоренысь есть? — Павлов колеблется, говорить или не говорить о вчерашнем разговоре с отцом. Нет, в таком деле надо говорить только правду.

— Сначала никак не соглашались, но это ничего: я на них повлиял.

Голубева откладывает заявление в сторону. Придется подождать. Напрасно Павлов уговаривает ее, напрасно просит поехать с первым отрядом: «там все мои товарищи из заводского цеха»...

— Подуши сначала согласие родителей, тогда будем рассматривать на комитете твое заявление. Поедешь со вторым отрядом, там из вашего цеха тоже будут.

— Но родители почти согласались.

— Нет, нет. Приходи позже. И не сбега, а сначала поговори со своим комсоргом. Посоветуйся с ним.

— У нас комсорг тоже едет.

— Зоя Гаврилина?

— Она! — с гордостью подтверждает Павлов.

— Где тут заявления принимают? — громко спрашивает коренастый парень.

В углу комнаты две девушки шепчутся с третьей, сидящей за столом. Это Зоя Голубева, заместитель секретаря комитета комсомола автомобильного завода имени Сталина; она принимает заявления. Сероголовая девушка с длинными ресницами, теребя в руках тетрадку, спрашивает Зою:

— Куда направляют?

— В Алтайский край.

— А надолго?

— Срок неопределенный. Сколько потребуется.

— А счетоводы там нужны будут?

— Трудно сказать. Надо быть готовой ко всякой работе. Может, придется переучиваться. Так что обдумайте все хорошенько и тогда подавайте заявление.

— А мы уже написали, — отвечает девушка, раскрывая тетрадку. На чистой страничке крупным старательным почерком выведено заявление, на следующей — еще одно. Лида Егорова, счетовод заводоуправления, решила ехать вместе с подружкой, вместе с нею она хочет ехать в первых рядах, как написано в заявлении. Возмущаясь и краснея, Лида осторожно вырывает из тетрадки листки и протягивает их Голубевой.

Когда девушки выходят из комнаты, Лида тяжело вздыхает:

— Ну вот и все. Трудно первый шаг сделать, а потом уже не так трудно. Правда?

Коренастый парень протиснулся, пахнул к столу.

— Принимаю заявление, — возбужденно говорит он. — Я хочу поехать с первой очередью.

— Где же ты раньше был? Раздумывал?

— Я сегодня из отпуска. Только вышел на работу, а тут такое...

Зоя Голубева спрашивает Анатолия Кузьмина: год рождения, образование, с какого года в комсомоле?

— Вот тут, честно признаюсь, отстал. Не состою. Там придется вступать.

Заместитель секретаря тут же на месте решает: принять заявление, раз такое дело, только что из отпуска вернулся...

— А успеешь? Ведь первый отряд сейчас поедет в горком получать путевки.

— Успею. С начальником цеха я уже договорился.

Голубева протягивает Кузьмину направление, и тот стремительно выбегает из комнаты. К столу подходит Саша Павлов.

— Из какого цеха?

— Заводной мост.

— Опять «заводной мост»? И тут рекорды ставите.

Голубева пристально разглядывает Павлова. Юное лицо с нежным пушком на подбородке. Взгляд открытый, решительный. Восемнадцать лет, но руки крепкие, мускулистые.

— Ты учи, Павлов, трудно будет.

— Знаю, — коротко бросает Павлов.

— А условия знаешь? Придется, там ничего нет. Стень, пустыня, одним словом, целина... Видно, Голубева сама не очень-то хорошо представляет себе эти «условия».

— Жить придется в палатках.

— Ну что ж, условия подходят, — Павлов солидно кивает головой.

Видно, что парень твердо решил ехать, Голубева протягивает руку за направлением, чтобы заполнить его.

— С родителями договоренысь есть? — Павлов колеблется, говорить или не говорить о вчерашнем разговоре с отцом. Нет, в таком деле надо говорить только правду.

— Сначала никак не соглашались, но это ничего: я на них повлиял.

Голубева откладывает заявление в сторону. Придется подождать. Напрасно Павлов уговаривает ее, напрасно просит поехать с первым отрядом: «там все мои товарищи из заводского цеха»...

— Подуши сначала согласие родителей, тогда будем рассматривать на комитете твое заявление. Поедешь со вторым отрядом, там из вашего цеха тоже будут.

— Но родители почти согласались.

— Нет, нет. Приходи позже. И не сбега, а сначала поговори со своим комсоргом. Посоветуйся с ним.

— У нас комсорг тоже едет.

— Зоя Гаврилина?

— Она! — с гордостью подтверждает Павлов.

— Хотите, говорите сами, — сухо ответила Зоя, — как же я с ними разговаривать буду, ведь сама еду.

Зоя побежала в партер, на первое общее собрание первого отряда. Во дворе она увидела Сашу Павлова, того самого Павлова, который не сумел как следует повлиять на родителей.

— Ну как, Саша?

— Все в порядке! Договорился. Может, я еще с вами успею.

— Ничего с тобой не случится. Поедешь со вторым отрядом. А сейчас иди в цех, работай. План выполнять — надо.

У отбывающих много дел. Возбужденные, веселые, они бегают по заводу; всюду — в отделе кадров, в бухгалтерии — их просят без очереди. Скорее, товарищи бухгалтер, не задерживайте.

В цехах собирают библиотечки — в подарок отбывающим. Тут и брошюры по сельскому хозяйству и «Как закалялась сталь». Дирекция позвала первого отряда несколько велосипедов, аккордеон. Работники технологического отдела торжественно вручили своему товарищу, мастеру по сварке Юрию Каскину в подарок чемодан, наполненный всевозможным добром. В чемодане и теплая белье, и бритвенный прибор, и фонарик, и ножик перочинный, и авторучка, и книги, и даже бутылка вина. Спасибо, друзья мои хорошие, размышляет на Алтае за ваше здоровье.

— Счастливого пути, Юра! Пиши письма.

Поставив на плечи тяжелый чемодан, Юрий пришел в партер на собрание. Один за другим сходили остальные.

— Общее собрание добровольцев первого отряда, отбывающего на освоение целины, — говорит Владимир Истробов, — считая открытым. Разрешите познакомиться с распорядком. Сейчас мы подем в горком комсомола получать путевки. Потом вернемся к нам на вечер во Дворец культуры. Воскресенье вы свободны — покупайте, что необходимо, собирайтесь: деньги сегодня получить. А в понедельник, товарищи, в четыре часа вас приглашают в Кремль на прием. Вечером на заводе будет митинг, а потом организованно поедете на автобусах на вокзал. Шезлонг отойдет в одиннадцать вечера. Место назначения — Алтай!

Все заволновано молчат. В Кремль! Как приглашают в Кремль!

— Разрешите перейти к организационным вопросам. Нам надо выбрать руководителей отряда, балансира, физорга, редколлегия.

Руководителем отряда предлагают избрать конструктора Геннадия Петровича Паненгута. Паненгут стоит спиной к стене, внимательно глядящая товарищей, с которыми предстоит ему работать. Молодые загоревшие лица. На них написаны решимость, упорство. Пустых мечтателей здесь нет. На одной романтике далеко не уедешь. В путь собираются только серьезные, отважные. Слабый, малодушный не решится на такое...

— Как, товарищ Паненгут, — спрашивает Истробов, — вы согласны?

— Я не возражаю, — говорит Паненгут. — Только с одним условием, ребята. Если выберете, то уж чтобы слушались. Мы едем на такое дело, где дисциплина должна быть на первом месте. Разгильдяи, лентяи среди нас не место.

Первый отряд единогласно выбирает Паненгута своим вожаком. На такого можно смело положиться: фронтовики, коммунист, на заводе он не раз показывал себя в деле.

За последние полгода Паненгут, комсорг отдела главного конструктора, проводил многих своих товарищей. Один поехал работать в МТС, другие — в колхозы. Хватит провозжать, теперь настала очередь ехать самому. Раньше он боролся за снижение веса машин, теперь будет бороться за повышение урожая.

4. В новеньком зисовском автобусе первый отряд едет с песнями в городской комитет комсомола. Перезадачные подружки — энергичная, бойкая Зоя Гаврилина и застенчивая Нина Лазарева в числе первых получают комсомольские путевки. Девушки с любопытством рассматривают красивые красные книжечки. «Чем больше, — читают они вывернуку из Обращения ЦК КПСС к избирателям, — мы будем производить зерна, тем больше будет не только хлеба, но и мяса, масла и других продуктов животноводства».

Следом за автобусами в горком приехали добровольцы с завода малолитражных автомобилей, с других московских предприятий. Это те, кто поедет в первом отряде.

В приемной — радостные встречи, смех, восклицания. Две девушки, одна с автозавода имени Сталина, другая с малолитражного, бросаются навстречу друг другу.

— Вероника, ты что здесь делаешь?

— Получаю путевку. А ты?

— Я тоже...

Девушки, обнявшись, усаживаются на диван. У обеих белеет на глазах радость слезы.

Высокий плечистый парень неторопливо отвечает на вопрос соседа:

— Что я могу? Могу шофером, могу трактористом. Могу на экскаваторе работать или на бульдозере. Могу рапством...

А во Дворце культуры автозавода все уже готово к вечеру: накрыты столы, закончены репетиции.

Молодые конструкторы окружают плотным кольцом главного инженера завода Савельева.

— Держите марку автозавода, ребята, — говорит Савельев. — Будьте дружными, смелыми! Не порывайте связи с заводом, пишите о своих делах. Если что, поможем. А главное — действуйте сообща, всем коллективно. Тогда вам ничего не страшно.

— Хорошо бы понасть всем вместе в одну МТС, — произносит кто-то.

— Так и будем держаться, — отвечает Паненгут. — Мы можем своим машиностроительную станцию организовать. МТС имени ЗИС.

После банкета — концерт, затем — танцы. Иван Коротчин бродит по залу, выслушивая своих. Он собирает деньги: решено купить складчину патефон и пластинки. Зоя Гаврилина берет с собой волшебный мяч, девчата возмущены гитарой.

Первый отряд держится вместе, несколько особняком от остальных. Все они уже как-то отшли от заводской жизни; у них сейчас новые интересы, новые разговоры.

Назавтра автозаводцы бегают по магазинам, приобретают все необходимое. Зоя Гаврилина вернулась домой, доверху нагруженная покупками. Лыжный костюм, тапочки, запасная камера для мяча, алюминиевая кружка — все понадобится.

К Зое пришла Нина Лазарева, Иван Коротчин, пришел двоюродный брат, конструктор автозавода. Мать и младшая сестричка укладывают вещи в чемодан, отец, дочь и гости рассматривают карту.

— Далеко ехать, дочка, — говорит Ефим Петрович. — Летом возьму отпуск, обязательно приеду к тебе в гости.

— А уютно! — восклицает Зоя. — Уютно обязательно нужен.

Сестра приносит из кухни уют. Нет, покажут, электрический уют не пойдешь. Уют нужен такой, который на углях...

Соседи по квартире подарили Зое «Подпятную целину» Шолохова.

«Дорогая Зоя!

Пусть эта книга вдохновит тебя и твоих товарищей на великие подвиги во славу нашей Родины. И поможет вам довести до конца начатое вами благородное дело».

Твой друг Зоя Гаврилина и Николай».

Пришли родные, товарищи, подружки. В небольшой комнате стало тесно, с трудом разместились за столом.

— Ты правильно решила, дочка, — говорит отец, поднимая бокал. — Был бы я лет на пятнадцать моложе, поехал бы вместе с вами. Правильно. Пусть мать поплачет, но ты она и мать. А ты поезжай. И помни, ты не одна, весь народ с тобой, потому что дело-то вы задумали всенародно».

...В четыре часа дня автозаводцы входят в Кремль. Просторный, залитый светом зал здания отбывающих и их друзей. Сюда приехали и кубанские комбайнеры, и бригады тракторных бригад с Инвизитки и Тамбовщины. Они тоже едут осваивать новые земли.

Проводит молодых энтузиастов пришли руководители партии и правительства.

Ворне Лукин, старейший Московского завода малолитражных автомобилей, здесь под словами Кремлевского дворца, здесь клат, что оправдывает высокое доверие партии, не уронит знания комсомола.

Волнуясь, как тогда, в первый раз, в комитете комсомола, Зоя Гаврилина поднимается на трибуну.

— Каждый из нас, — звонким голосом говорит Зоя, — мечтает быть похожим на Павлу Герасимову, на молодых строителей Мангунты, Динергоза, Комсомольца-на-Амуре, на молодых героев Великой Отечественной войны. Мы мечтаем повторить их подвиги в наше время в новых условиях строительства коммунизма. И мы едем по-прежнему, кто сильнее — природа или советские люди с комсомольской путевкой.

Это говорит новое поколение колхозников — славного Ленинского комсомола. Вот и наступил их черед пойти на подвиг и совершить его во славу Отчизны. И подвиг этот будет совершен, новая героическая страница предожет бессмертную летопись комсомола.

Совещание принимает обращение ко всем комсомольцам и комсомолкам Советского Союза — ответить на призыв партии, принять участие во всенародном деле освоения новых земель.

— Вынается час отъезда. Зоя и Нина спешат осмотреть Кремль, ничего не упустить, запомнить этот день на всю жизнь. В буфетной палате в книге записей девушки написали:

«Последний день, последние часы в Москве. Сегодня уезжаем на Алтай осваивать новые земли. До свидания, Москва, до свидания, Кремль! Мы унесем с собой твой прекрасный образ, он будет вдохновлять нас на хорошие дела во славу Родины».

Зоя ГАВРИЛИНА,
Нина ЛАЗАРЕВА
22 февраля 1954 г.

Весело и многолюдно по вечерам в клубе Н-ской части. К услугам солдат здесь свежие газеты и журналы, настольные игры, музыкальные инструменты. На снимке: солдаты в своем клубе. Фото А. Григорьева и Г. Велкина.

В ОДНОМ ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ОКРУГЕ АГИТАТОРЫ

«Просим отметить наших агитаторов. На каждую их беседу мы идем с большим интересом, как к родным и близким людям», — гласит маленькая заметка в стенгазете одного из новочеркасских агитаторов. В конце заметки — несколько подписей избирателей и адрес: Советская, 51, угол Красноармейской.

По этому адресу мы и отправились.

Николай Петрович и Мария Михайловна Митерева — оба педагога, отдавшие по тридцати с лишним лет воспитанию детей. Николай Петрович уже на пенсии, а Мария Михайловна пока и слышать не хочет о том, чтобы бросить свой («знаете, лучший в техникуме») курс.

Фотографии, развешенные по стенам, говорят о большой, полной трудов и творческой жизни Митеревых. Вот Николай Петрович в одном из павильонов Всесоюзной сельскохозяйственной выставки стоит возле трехметрового куста выведенного им винограда. На площадке учителя-мичуринца — большая серебряная медаль ВСХВ... Вот Николай Петрович передает своим ученикам виноградные черенки и саженцы. А вот Митерева — на камеском пароходе. Здесь вместе с дочерью, зятем и двумя внуками они проводили свой отпуск.

— Собственно, агитатором числится только Мария Михайловна, — объясняет нам Николай Петрович, — а меня просто попросили помочь ей: ведь на этот раз у нее не один этаж, как в прошлые выборы, а весь дом, тридцать с лишним квартир.

Дом, каких тысячи в каждом городе: обжитой, наполненный детской безотной и гамом. Кое-что пора бы отремонтировать, да все у горовета руки не доходят... Здесь живут врач и водопроводчик, учителя и медсестры, машинистка и буфетчица, заместитель председателя горисполкома.

Комната постепенно наполняется людьми. На столе появилась газета с обращением ЦК партии к избирателям. Сказать «сначала беседа» было бы неправильно, — просто в добрососедский разговор с помощью Марии Михайловны включились все присутствующие. Вспоминали войну, обсуждали недавние решения партии и правительства, говорили о том, что из прошедших в Кремле совещаний работников сельского хозяйства. Кто-то заинтересовался: «А как будут голосовать у Южно-полоса, в китобойной флотилии «Слава»?»

Затем речь зашла о благоустройстве Новочеркасска, о строительстве жилья.

Мария Михайловна заглянула в свои записи.

— Со дня последних выборов предприятия Новочеркасска получили 118 миллионов рублей на жилищное строительство, а использовали только 73 миллиона — 61 процент. Город недополучил множество благоустроительных квартир. В нынешнем году программа строительства была — 22 тысячи квадратных метров.

А вот как хозяйственники выполняют эту программу, будет зависеть и от нас с вами, от общественности... Ты, Коля, рассказывай, еще что-то строить предполагают?

— Во-первых, театр. Вместо прежнего, старого. Во-вторых, стадион. Это, наверно, чтобы комсомол нац, — Николай Петрович повораживается к сидящей в углу студентке-комсомолке Валерии Калодной. — не мог больше отговариваться, что спортивную работу развернуть негде. И, в-третьих, баню. Все-таки неудобно Новочеркаску, городу вузов, не иметь парной бани...

Вяно бера реванш, Валерия тут же продолжает:

Если хочешь сходить в баню, Неси шампус в чемодане!

Все смеются, смеются так, что, наверное, слышно и в первом этаже, где живет заместитель председателя горисполкома тов. Кривошеина...

— Прямо скажу, не подумали, не перестроили еще мы своей работы после сентябрьского пленума. Сегодня мало сказать — обеспечим подъем. Партия в своем Обращении к избирателям поставила вопрос точно. Как конкретно в этом году обеспечить богатый урожай? Вот о чем сегодня должен быть разговор. Тем более, что сев не за горами, — вы на сев и мороз не смотрите, — так начал свою беседу главный агроном Крымской МТС коммунист товарищ Шугак. Беседовал он с механизаторами и специалистами сельского хозяйства, собиравшимися в этот вечер на агитпункте избирательного участка № 69. Сам Григорий Абрамович пришел в МТС недавно. Его старшего научного сотрудника одного из институтов, потянуло к живому делу, в МТС, где он работал до войны.

...Собиравшиеся молчали, подумали. Нервным взглядом Павел Шелемякин — бригадир лучшей в МТС тракторной бригады.

— Я так понимаю, товарищ агитатор будем брать новые обязательства. Обсуждать, утверждать — это, конечно, на собрании нужно. А пока наметим. Но прежде всего я хочу сказать про мягкие годы. Как будем отвести в — в мягкой пачете или по урожайности?

— Скажи тебе — по урожайности, — раздались несколько голосов.

— Нет, вы постойте. Сколько моя бригада по урожайности в 51-м имела?

— Хорошо, давно это было — 14,2 центнера с гектара. А в позапрошлом?

— 23,7, — отчеканил чей-то голос.

— Ты-то знаешь, а вот директор МТС или бухгалтер знают? До сих пор не интересовались, какова урожайность, лишь бы мягкая пачота была. Вот и запиши первый долгом, товарищ главный агроном: вести учет по урожайности.

— Правильно, — поддержал Шугак.

— Теперь конкретные обязательства. Мы тут с ребятами подумали — 18 центнеров зерновых с гектара обещая!

— То, ай да передовик! Без запроса назначает, — насмешливо загодули вокруг.

— Да у нас плановая средняя по МТС 19! Начал ты, Шелемякин, за здоровье, а кончил за упокой...

Но бригадир уперся:

— Ладно, ладно, осяевье подсчитаем... У меня, конечно, такого парка гусеничных машин, как у Шелемякина, нету, — связывай бригады кормобывающей бригады Ойниченко. — Но в ответ на Обращение ЦК партии могу сказать: во-первых, с сенуобойрой уложился во-время...

— Точнее? — спросил Шугак.

— Ну... в двадцать дней. — Промельстел гал одобрения. — Только, товарищ Шугак, ты уж обеспечь, чтобы с планированием у нас наладилось.

Верная мысль. И Шугак тут же записал ее в блокнот.

— Я не так богат техникой, как Шелемякин, — вставил слово бригадир пятой тракторной бригады Труфанов, — но худобю, а двадцать центнеров зерновых мы в колхозе имени Ворошилова возьмем. И... Труфанов хитро подмигнул кому-то из присутствующих, — готовы вызвать на соревнование бригаду Шелемякина.

Кто-то засмеялся. Шугак постучал карандашом по графине.

Упрямый бригадир молчал, и Шугак, будто не замечая, повел беседу дальше:

— А что же наши специалисты молчат? Ведь в колхозе имени Калининских одних агрономов теперь пятеро...

— Мы в колхозе еще не приглядывались, — отозвался участковый агроном Подройкин, — но, по моим расчетам, 22 центнера по зерновым и 25 по пропашным должны взять.

— А садоводческая бригада, к которой я прикреплен, решила получить 140 центнеров винограда с гектара, — звонко отчеканил агроном Ладиков.

— У нас в овошеводческой бригаде, сами знаете, дела неважные, но, думаем, в среднем по двадцать тонн овощей с гектара получим, — вступила в разговор агроном-овощевод Анастасия.

— А как живется вам, товарищ Опанасенко, как устроились в колхозе? — неожиданно повернул беседу Шугак.

Выяснилось, что с жильем у молодого агронома пока неважно — подходящей квартиры в колхозе не нашли. А самая большая трудность — не знает она, как к людям подойти, как добиться дисциплины.

— Хочется, чтобы люди с огоньком работали, — чистосердечно признался девушка, — нужен и совет опытного агронома.

— Ну, это беда поправимая, — обрывает Шугак, записывая в блокнот пункт за пунктом справедливые претензии Опанасенко. — Сегодня тут же, на агитпункте, будет беседовать ученый-специалист по парникам из соседней опытно-селекционной станции. А нам и закупиться можно. Вот только одно не решился: бригада с бригадой, тракторист с трактористом, ясно, будем соревноваться, показатели подработаем. А МТС в целом?

— Так чего далеко ходить! С соседями, с Персиановской, — предложил Подройкин.

Предложение понравилось. Прикинули, что к 10 марта — за четыре дня до выборов — вся подготовка к севу должна быть закончена, отсечься нужно максимум за четыре-пять суток, — весна обещает быть дружной.

Шугак захлопнул блокнот.

С шумом трактористы двинулись на улицу, окружив своего лучшего, но, видно, заискивающего бригадира. Знали они, что и Шелемякин будет в первых рядах соревнующихся.

Тотрибек ДЖАТИЕВ,
Вадим СОКОЛОВ,
специальные корреспонденты
«Литературной газеты»
НОВОЧЕРКАССК

В доме Ефима Петровича Гаврилина снаряжают в дальний путь его дочь Зою. Вместе с группой молодых автозаводцев она едет на освоение целинных и залежных земель. В чемоданы укладывают все, что пригодится на новых местах. На сборы в путь-дорогу пришли и ее друзья, уезжающие с ней на Алтай. «В час добрый!» — говорит Ефим Петрович, знакомясь по карте с предстоящим маршрутом. На снимке (слева направо): Анна Владимировна Гаврилина (мать Зои), Вера (сестра), Виктор (двоюродный брат), Зоя Гаврилина, Ефим Петрович, Нина Лазарева, Иван Коротчин. Фото М. Альперта

ДЕЛО, КОТОРОМУ СЛУЖИШЬ

Юрий НАГИБИН

Евгений Дырин написал хорошую, интересную, нужную книгу о дважды Герое Советского Союза, гвардии генерал-майоре авиации, Иване Семеновиче Полябине. Это не только книга о жизни и героических делах И. С. Полябина. Это книга о наших летчиках, о становлении советской военной авиации, о мужестве, разуме, нравственной силе советских людей. Такой и должна быть подобная книга, герой которой — один из многих и многих, человек, «свыданный в люди всем народом».

Автор прекрасно, видимо, из собственного опыта, знает тот предмет, о котором пишет: военную авиацию. Это придает его повествованию то качество безусловной полноты, какого не хватает многим авторам «спецлитературных» повестей и романов, изучающим материал лишь для данного случая.

Понятие воинского умения, доблести сейчас крайне усложнилось в такой же степени, в какой усложнилась техника современной войны. Общими словами нельзя изобразить ни проявления героизма, ни реальную обстановку войны. Постигнуть величие подвига, измерить силу душевного и умственного напряжения, затраченного героем на его свершение, дано писателю в той мере, в какой его понимание доступных боевых и технических условий, в которых подвиг совершен. «Приблизительно» изображенный подвиг не задает ни сердца, ни разума читателя: ему остается либо поверить писателю на слово, либо все же попытаться. Ведь искусство воздействует прежде всего изображением: читатель убеждается сам, как если бы он был очевидцем изображаемого события.

В книге Е. Дырина все, относящееся к технической стороне полета, к конструкции самолетов, к методам воздушного боя, имеет захватывающий интерес, неразрывно сплетено с повествованием. В повести нет технических подробностей, которые нуждались бы в вынесении за скобки. Вот это-то и позволяет читателю полной мерой измерить великую трудность подвига советских летчиков, их непревзойденное воинское умение.

Но и это все же лишь предисловие, без которой писатель не мог бы выдвинуть главную свою задачу: создать образ человека. Иные авторы, как бы ценовая своим знанием военной техники и манера, с тщательным умением и увлекательностью развертывают перед читателем картину морского, воздушного или наземного боя, в котором участвует их герой. Но стоит им только коснуться личности героя, и они словно переводят читателя с освещенной стороны улицы на теньную, где блекнут все краски, смешиваются все оттенки. А между тем ни один подвиг не безличен: это как бы результат всей предшествующей биографии героя, мощнейший разряд накопившей им нравственной и умственной энергии, пламя которого обратным светом озаряет прошлую жизнь, становление его характера. Без «поэзии достоверности» невозможна литература о таком сложнейшем явлении, как современный подвиг, но только «поэзия чувств и характеров» придает ему качество художественной литературы. Это качество также присуще повести Е. Дырина.

Автору, несомненно, удалось образ его главного героя И. С. Полябина. В этом убеждает не сразу, только во второй половине книги: ведь автор дает не характеристику, а характер. Поначалу же образ Полябина кажется несколько серым, однообразным, характер — скучным, прамилейшим, мало выразительным. Автор вообще историчен, он по-хорошему скромен и сдержан, не навязывает читателю никаких толкований, не стремится поразить его.

Евгений Дырин. «Дело, которому служишь». Повесть. Изд. «Молодая гвардия». М. 1953. 445 стр.

В этом сказывается его уважение и к своему герою и к читателю. Он складывает образ И. С. Полябина из подлинного жизненного материала, обладающего собственным красноречием, как и должно делать мастеру, художнику, независимо от меры его таланта.

Образ И. С. Полябина в книге не статичен. Его характер, его личность все время меняется, он растет, развивается, усложняется, зреет, складывается в большого человека, и читатель наблюдает этот армейский рост — от рядового летчика до генерала авиации. Меняется его язык, его манера общаться с людьми, пишется его характер, он становится способен ко все большему и большему делу. Между началом и концом книги, действительно, пролетают десятилетия, а не условные литературные времена...

Автору данной рецензии не было известно, что И. С. Полябин погиб, «не вернувшись с задания», и когда он в конце книги, из заключительного боевого эпизода, узнал о гибели героя, то ощутил острую душевную боль, словно потерял близкого человека. Вот тут-то и открылось в бесспорной убедительностью, что писатель сумел не просто, как художник, сделать И. С. Полябина близким для читателя человеком. Полябин подлинно живет на страницах книги, и для читателя он живой, во плоти и крови, прекрасный человек, образ и образ советского человека.

У нас одно время «положительным» героем специально навязывали какую-нибудь «слабость», чтобы придать их характеру большую естественность. У И. С. Полябина, как и у И. Дырина, нет отрицательных черт. Значит ли это, что он получился иконописным? Ничуть. Просто это больше и прекрасный человек, чистый и строгий в помыслах и поступках, требовательный к себе и к людям, человек высокой цели, и со стороны писателя было бы мелочным и безвкусным высказывать в нем «слабости», чтобы снизить его образ до какой-то ложной естественности. Читатель и так знает: Полябин терпелив и силен, что постоянно проверяет, выпрашивает и направляет себя, и не к чему наводить на него тень, чтобы ярче казался свет...

Иной раз Полябин может показаться чрезмерно сухим и требовательным к своим подчиненным, но вскоре же его добрая улыбка скажет вам, что это не от сухости сердца, что «ничто человеческое ему не чуждо» и что действует он сознательно, по верному расчету: партия, командир, человек. Ведь у него великая цель — защита социалистической Родины от врага. Иной раз может показаться, что у него примитивный ум, что ему недоступны тонкости в отношениях с людьми. Но вот он «прощупывает» нового комиссара, присланного в часть, — тонко, умно, деликатно, — и тогда вы убеждаетесь, что он именно «тонко» в своих отношениях с людьми, что его каждающаяся прямота — результат сложной душевной работы.

Живой образ Полябина — самая большая удача книги. Это очень много, это почти все. Если в ней и есть серьезные недочеты, расплывчатые образы, конгруэнтные недочеты, — книга, ценная, живая книга, все же написана, и советская художественная литература обогатилась ценным приобретением.

Как уже сказано выше, автор сумел сделать интересной для читателя каждую деталь самолета: у него все «играет», все живет, ибо все, оказывается, связано с людьми, с человеческими судьбами, с творческим дерзанием советских летчиков.

Полябин — «снайпер пикирующего удара», причинившего врагу всякий раз гро-

мозный урон. Автор рассказывает, как создавался всем коллективом авиационный «метод группового бомбометания и пикирования», завершение и оформление Полябиным. Создавался в боях, на опыте боев. Эти страницы — десятки страниц — о создании и применении метода читаются с острым интересом: что за люди! Неотбых эпизодов в книге много. Такой эпизод с бомбой, которую молодой летчик Белаш при пикировании сбросил на крыло своей машины. Такова прекрасная сцена с летчиком Наниным, который самовольно стал выдвигать фигуру вместе с самолетом на бомбардировщике «Петляков-2», за что получил выговор: однако это не помешало его командиру, Полябину, сделать вывод, что Нанин доказал, какие неиспользованные возможности еще таится в «Петляков-2», и Полябин тут же сел в самолет и на правах командира сам проделал в воздухе те же фигуры...

На заглавном листе автор именует свою книгу «повестью». Это, конечно, не повесть в обычном смысле, а повесть-хроника, идущая по следу лет, направляемая фактами и датами биографии Ивана (Семеновича) Полябина. В данном случае не имеет существенного значения, есть ли «Дело, которому служишь» в большей мере повесть или хроника, важно лишь, что автор в целом выполнил поставленную себе художественную задачу. И если приходится все же говорить об этом, то потому лишь, что хроника нередко деформирует жанр повести. Не успев читатель иной раз улететь свободным ходом повествования, как «хроника» призывает его к порядку: автору необходимо показать те или иные события биографии И. С. Полябина. То же и в языке книги: то слышен хроникер, то художник. Бывает и так, что люди входят в повествование и уходят из него не во время автора, а потому, что им пришлось войти в жизнь героя или выйти из нее: то ли он уезжает в другое место, то ли получил повышение...

Мне кажется, в гибридности жанра книги повинен сам автор: как художник, он без надобности ограничил себя, как хроникер-биограф, слишком широко использовал добытые биографические данные. В книге немало событий и людей, в которых автор вовсе не нуждается для лепки образа своего героя. От сокращения книга значительно выиграла бы в энергии и силе воздействия. Увы, такое пожелание тщетно: безвременная смерть оборвала жизнь молодого талантливого писателя.

В то же время в повести много запоминающихся, отлично выписанных людей. Таков Ююкин, герой-комиссар боевой части, в рядах которой Полябин сражался против японцев; такой летчик Крылов; так же Белаш, який атакует авиацию, и многие, многие другие. Все это прекрасные люди, смелые, умные, мыслящие, без всякого сомнения, — по совокупности своих человеческих свойств — самые лучшие детинцы в мире! Читатель не может не полюбить их, молодой читатель обязательно захочет познакомиться с ними, пойти их путем, овладеть их замечательным трудом-искусством.

Правильно показана в книге решающая роль партии в создании и воспитании кадров советской авиации, показана умно и глубоко. Партия — это не непосредственные партийные руководители, это партийный разум и совет командиров, это партийное сознание рядовых членов летной семьи.

«Дело, которому служишь» — талантливая книга о большом советском человеке, о больших советских людях, написанная с любовью, тщательным знанием и глубоким чувством ответственности.

В дни подготовки к выборам в Верховный Совет СССР больших трудовых успехов добились работники Московской фабрики детской книги № 1 Детгиза. Коллектив фабрики выпустил сверх плана 777 тысяч экземпляров книг. На снимке: старшие мастера И. Семенова и А. Барсукова проверяют качество книг. Фото А. Валентинова

В писательских организациях

На очередном заседании комиссии ЦСП СССР по подготовке и проведению в Москве мероприятий в связи с 300-летием воссоединения Украины с Россией представители Гослитиздата, «Советской писателя», «Молодой гвардии», Детгиза и других издательств сделали сообщение о выпуске украинских книг в Москве. Украинский писатель Н. Рыбак информировал собравшихся о том, что на Украине в этом году выйдет 102 названия русских книг на украинском языке.

Институт мировой литературы имени А. М. Горького совместно с Союзом советских писателей СССР и ЦСП Украины проведет в апреле научную сессию, посвященную романам украинских писателей на исторические темы.

В переводе на чувашский язык Чувашский институт выпустил сборник рассказов украинских писателей Я. Галана, О. Гончара, Н. Рыбака, О. Вишня, Ю. Смолина, Ю. Яновского и других. Готовится второй сборник произведений украинских прозаиков, драматургов и поэтов. Переведены и изданы на чувашском языке романы «Левонкружский писатель А. Чойлыяла, татарских писателей — К. Наджим «Весенние ветры» и Г. Башпирова «Честь».

Дом писателя имени В. М. Маяковского в Ленинграде возобновил выпуск театрально-литературного сатирического альманаха «Давать не будем!» На сцене писательского клуба была показана новая программа альманаха. В нее включены сатирические сценки на темы литературной жизни, пародия, шутки. В составлении программы участвовали ленинградские литераторы. Постановка осуществлена артистами Театра комедии и Театра оперы и балета имени С. М. Кирова.

В Ростове-на-Дону состоялся вечер, посвященный пятидесятилетию со дня рождения писателя М. Соколова. На его имя поступили многочисленные приветствия, в том числе от президиума Союза советских писателей СССР.

Вечер поэзии, посвященный творчеству С. Гудзенко, поэта-воина, чье дарование зародилось, мужало и крепло на фронтах Отечественной войны, состоялся на днях в Центральном доме литераторов. Поэты разных поколений выступили с воспоминаниями и чтением его стихов. Вечере приняли участие П. Антокольский, К. Симонов, М. Луконин, А. Межиров, В. Тушнов, А. Фатьянов, Е. Долматовский и другие. С докладом выступил В. Огнев.

С ЛЮБОВЬЮ К МИРУ, С ВЕРОЙ В ЧЕЛОВЕКА

Советская общественность отметила 20 февраля шестидесятилетие со дня рождения выдающегося польского писателя, председателя Всемирного комитета защиты СССР и Славянским комитетом СССР.

Иван Шевчик. Этому юбилею был посвящен торжественный вечер, организованный Советским комитетом защиты мира, Союзом советских писателей СССР и Славянским комитетом СССР.

Шестидесять лет исполнилось Ярославу Ивашкевичу, сорок лет исполнилось его литературной деятельности. Большой жизненный путь прошел этот крепкий, молодой, высокий, с широкими плечами и страстным голосом человек.

В годы, когда Польша была разорвана на части, и в годы, когда она переживала послевоенский период, можно было только верить в то, что может быть, когда-нибудь придет замечательное время для расцвета жизни. Но, пока оно не пришло, будем верить в силу всеочищающего искусства, — так говорили тогда многие служители искусства, уходив от мрачных картин, представляемых их взором действительностью. Стихи, проза, статьи об отвлеченном искусстве — это область, в которой можно остаться на всю жизнь, и эти стихи, проза, статьи будут, в сущности, разговором о себе, для себя, для немногих. Мы знали таких, даже больших мастеров такого эзотерического направления, которым явления, изображенные их изощренным воображением, занимали время и пространство.

Но время стало стучать в двери даже не прикладом охранника. Оно срывало кирпичи с домов и рушило стены. В огне и дыме пожаров Варшавы, в грохоте расстрелов патриотов, в урагане истребления, который носился по Польше, должен был отучиться от своих великодушных поэтических слов мастер, чтобы взглянуть в лицо действительности, освещенной заревом пожаров.

Время и пространство больше нельзя было гипотезировать никакой, даже самой высокой поэзией, люди искали глобальных чувств для опоры, для уверенности в борьбе за свободу.

И борьба эта при помощи братского советского народа увенчалась победой. Кроваво спаяна боевая дружба наших народов: советские и польские воины вместе освобождали древние земли славянского племени, истоптанные войной.

Трудовой подвиг польского народа, воскресил истерзанную фашизмом страну, поднял светлую, прекрасную Варшаву, залит солнцем прогресса землей и душой людей, измученных долгими страданиями. В этой стране нового, в этой стране, где родилась разумная, гордая, счастливая жизнь, мастер поэтического слова не мог замолчать. И когда раздался его голос, он оказался много говорящим душе и сердцу свободного, талантливого народа польского.

Нельзя было короче и поэтичнее сказать о своем понимании того, чего требует жизнь

от поэта, чем это сказано в стихотворении Ивашкевича «Письмо президенту», где поэт, обращаясь к Болеславу Беруту, говорит о своем трудном пути, о твердом решении до конца дня служить своему народу:

Ткак над станком, я над листом бумаги, И ты, над картой родины склоненный, Мы дышим все огромною любовью — Любостью к миру, верой в человека.

И когда снова над миром стали стучаться тучи новой войны, когда в среде самых разных прогрессивных деятелей вспыхнула тревога и возникла мысль о создании могучего рычага борьбы за мир против угрозы новой войны, то первым актом такого движения был ставший ныне историческим Варшавский конгресс деятелей культуры в защиту мира. Этот конгресс от имени гостеприимной и мирной Польши открыл наш старый друг и борец за мир Ярослав Ивашкевич. С тех пор борьба за мир все ширилась и принимала все новые размеры, пока не выросла в явление мирового значения, равного которому не было. И тогда мы увидели в лице Ярослава Ивашкевича неутомимого, страстного трубадуна, организатора, пропагандиста, который не стеснялся расстоянием, чтобы выступить как представитель Польши на конгрессах, совещаниях, конференциях. Его знали древние стены Парижа, залы Вены, Берлина.

Его не пустили в США на то основания, что он коммунист. На самом деле он не член партии, но этот эпизод только говорит за то, что его дела и мысли, его произведения все больше становятся в ряд с самыми прогрессивными идеями, с самыми передовыми идеями, приближающимися его к настоящей, глубокой партийности.

И когда сегодня Ярослав Ивашкевич посмотрит на воскресшую к новой жизни родную страну, на расцвет культуры и разумной жизни, он испытает чувство омолодения, чувство новой молодости и желания снова с кипучей страстью поэта броситься в эту взволнованную, кипящую жизнь, отдать ей всю страсть поэта, борца за мир, гражданина, верного сына родины.

Ярослав Ивашкевич — друг и знаток русской, советской литературы. Он хорошо знает Советский Союз, советских людей. Нас связывает большая сердечная дружба.

Пожелаем же нашему старому другу новых сил для продолжения его наполовину всей силой вложенной работы на пользу передовому делу мира и дружбы народов во всем мире.

Николай ТИХОНОВ

Ярослав ИВАШКЕВИЧ За мир голосует народ

Подземный кран огромною птицею В ночи бессонной встает. Горящим взглядом на братской встрече За мир голосует народ.

Весенний сад, в предместье блистая, Охлками род цветет. Парит над ним голубиная стая. За мир голосует народ.

Метель в Лодзи

Бывает так, когда сотрешь пастель, Весь город — словно белый лист бумаги. Он снегом стерт, и снежная метель Заиндевелась колышет флаги.

В высоком зале жаркие речи И рук напряженных взлет. Горящим взглядом на братской встрече За мир голосует народ.

Сама сложилась песня, — и снова В единство она берет Кирильч и голубя, руку и слово, — За мир голосует народ.

Перевел Павел Антокольский

3 марта 1945 г. Перевел Марк Живов

Черты советского полководца

Советские писатели создали немало ярких произведений, раскрывающих подвиг нашего народа и его армии в Великой Отечественной войне. В романах и повестях, в поэмах и пьесах запечатлены образы героев, отстоявших свободу и независимость своей Родины, подлинных героев победы.

События нашей героической эпохи настолько значительны, подвиги ее героев настолько велики, что основу многих художественных произведений составил конкретный фактический материал. Так возникли герои «Молодой гвардии» и «Повести о настоящем человеке», поэмы о Зое Воскобойниковой и многие другие. В этих книгах писатели, черпая материал в самой истории и рисун подлинных героев, делали это лишь основой повествования; значительную роль играли здесь вымысел художника.

Такие книги, конечно, не ставят перед собой целью события полную фактическую точность и документальную достоверность.

Особые задачи стоят перед жанром военной публицистики, художественно-документальным очерком. Публицистическое, основанное на конкретных, документально точных фактах изображение событий должно сочетаться здесь с живой зарисовкой характера; вдумчивый анализ фактов должен сопровождаться ярким описанием людей и обстановки. Публицист пишет историю войны, но не имеет права отклоняться, отходить от реальных фактов, событий; здесь нужна строгая достоверность, но не фотоподобный, трудный, но и весьма пугающий жанр.

Книга Михаила Брагина, писателя, избравшего темой своего творчества жизнь нашей армии, принадлежит именно к этому жанру.

Писатель раскрывает образ главного героя, генерала Ватутина, средствами публицистики и художественного очерка. Иметь по-военному точно и скупое — такой манеры требовала тема. Они главные книги написаны скучным военным языком, другие — в свободной манере живого об-

разного очерка. Это чередование страниц публицистического и художественного повествования не создает, однако, впечатления члочковатости.

Перед нами не только биографический очерк о жизненном пути и военной деятельности Ватутина. Книга по своему содержанию шире: писатель стремится осмыслить сражения, описания которых он был; говорит о Ватутине, автор высказывает суждения о чертах советского полководческого искусства; в главе «Лен Военного Совета» он показывает принципиально важную роль политических работников Советской Армии.

Автор хорошо знает то, о чем пишет. Публицистически еще во время войны очерки М. Брагина отличались широтой и масштабностью, стремлением нарисовать картину больших сражений, раскрыть смысл крупнейших операций нашей армии. В книге «Путь генерала» читатель привлекает, говоря военным языком, способность автора к оперативному мышлению.

Перо публициста выразительно рисует картину боевых действий на огромных участках советско-германского фронта: север-западнее Ленинграда, под Сталинградом, на Дону, на Курской дуге, на Днепре. Читателя захватывает широта событий, которые книга помогает понять и осмыслить.

В соответствии с жанром своей книги, автор, не отходя от реальных фактов, прослеживает весь жизненный путь и военную деятельность своего героя. Путь Ватутин типичен для советского генерала. С большой теплотой описывает автор детство будущего полководца, полупобе доведу миллионы крестьянских детей короллюционной России. 18-летним юнцом Ватутин добровольцем вступает в ряды Советской Армии, и перед ним открывается крутой и трудный путь военной службы.

С большим интересом читатель узнает, показывающего учбу Николая Ватутина в Полтавской военной школе, становление характера будущего полководца.

Внимательно и любовно прослеживая начало военной деятельности молодого Ватутин, когда он был командиром роты, писатель сумел найти драгоценные крупинки

поучительного, важного для тех, кто хочет двигаться по пути выявления своего таланта.

Человек пытливого ума и твердого характера, Ватутин всю жизнь настойчиво и напряженно учился. Служба, учеба, опять служба и опять учеба в одной, затем в другой военных академиях.

Расказывая о том, как чутко отличался Ватутин на различные события в жизни страны, автор подчеркивает, что судьба героя его книги была теснейшим образом связана с жизнью советского общества, с жизнью Коммунистической партии. Раскрытие этой кровной связи героя с народом и партией составляет одно из главных достоинств книги. Читатель узнает, как росла и крепла наша армия, как росли и мужали ее молодые кадры. Во все годы напряженной учебы и службы Ватутин ощущал направляющую руку партии, ведущую его все вперед, все выше. Автор убедительно показывает, что в нашей армии нет предела росту командира, а дарование не останется незамеченным.

Представители двух враждебных миров столкнулись в ходе войны на полях сражений под Исковом и Сталинградом, на Курской дуге и на Днепре... Интересна параллель, прослеженная автором. На важных стратегических направлениях борьбы действовали сыны курского крестьянина, потомственный русский солдат, молодой советский генерал, заместитель начальника Генерального штаба Советской Армии — Ватутин, и заместитель начальника генштаба германской армии, старый прусский генерал, аристократ, племянник Гинденбурга — Манштейн.

Война предъявляла суровые требования к военачальникам, и нужно было много усилий ума, воли, искусства, чтобы выиграть сражения.

Генерал Манштейн, громко именуемый фашистами «лучшим стратегом Восточного фронта», в главе своего танкового корпуса, при поддержке двух полковых армий и авиационного корпуса, составлявших группу «Север», мечтал первым вернуться в Ленинград. Автор повествует, что наступление группы «Север» прорывалось через Прибалтику, грозило расщепить Северо-Западный фронт. При содействии Ленинградского фронта Ватутин создал на флангах противника сильные группировки. В результате ударов по флангам танковый корпус Манштейна был разгромлен, и группа «Север», отброшенная на север километров, перешла к обороне.

Второе столкновение генерала Ватутин с фельдмаршалом Манштейном произошло в период окружения Сталинградской груп-

пировки противника. Манштейн возглавлял сильную неприятельскую группировку «Дон», шедшую на выручку своим окруженным войскам. Попытка Манштейна пробить кольцо окружения, оставив контрастные советских войск окончилась провалом.

Гитлеровский фельдмаршал жаждал реванша. Команда ударной группировкой немецко-фашистских войск на Курской дуге, он был уверен в разгроме советских войск. Войска Юго-Западного и соседнего с ним — Центрального фронта противопоставили плану неприятеля активную оборону, они лишили его элемента внезапности и, истощив силы противника, перешли в контрнаступление. Манштейн вновь оказался битым. И еще не раз война стадавала Ватутину с Манштейном в боях на лево- и правобережной Украине, и вновь побеждал тот, кто боролся за правое дело, кто представлял передовую советскую военную науку.

В книге правильно объясняется, что Ватутин был победоносен потому, что вед войска, боевая сила, героизм и воинское мастерство которых не имели равных в истории. Советский полководец победоносен потому, что руководствуется передовой советской военной наукой.

Говори об особенностях советского полководческого искусства, сопоставляя его с порочной, авантюристической стратегией германского генералитета, писатель дает читателю представление об основах советской военной доктрины. Присущие советскому полководцу качества войска массе помогают ему добиваться успеха в самой упорной борьбе, решать такие задачи, которые по своему характеру, масштабу и трудности оказались неразрешимыми для гитлеровских генералов.

Раскрывая высокий творческий дух деятельности Ватутина, автор подчеркивает характерную черту его полководческого искусства — активность, стремление не давать противнику ни отдыха, ни срока.

Ватутин никогда не унывал, не вешал голову, он всегда верил в дело, которому служил. Он не принимал поспешных, непродуманных, нерасчетливых решений, он приучил свою мысль спокойно работать в бою. Нередко на фронте создавались положения, когда нужно было молниеносно решать, что делать. «Ватутин спокойно склонялся над картой, но когда из-под его руки выхлестнул приказ, все видели, что он точно рассчитан и полон динамической силы, требует от войск стремительных действий, предельных усилий в бою. Выше непроизвольная мысль рождала план молниеносных ударов».

Военный деятель в полном смысле этого слова, Ватутин был глубоко партийным человеком. Автор раскрывает на ряде примеров в Ватутине органическое сочетание характера военачальника с глубиной партийности.

Наним публицистам крайне важно научиться правильно изображать роль и значение руководителя, полководца и роль масс, творческих судьбы истории, чьи усилия в конечном счете определяют победу. Михаил Брагин в общем удачно решает эту задачу. Он правильно изображает такую важную черту советского полководца, как его неразрывная связь с народом, близость к солдатам, чуткость к их нуждам.

Ватутин ведет партизанку с тылом, радуется письмам школьников, поздравляющих его с Новым годом. Человек, сознательно посвятивший всю свою жизнь тяжелой профессии воина, генерал принимал за высший свой долг сражаться во имя спасения людей, во имя будущего детей.

Испытав на себе солдатскую службу во всей ее суровой простоте и сложной сути, Ватутин знал, на что способен солдат, что можно от него требовать и как надо ему прилагать. Советский солдат и генерал вместе респали успех войны, и поэтому так внимательно, душевно беседовал генерал с солдатами в трапезе на переднем крае. Примечательно, например, что, оглядывая с наблюдательного пункта поле битвы, Ватутин оценивал его в двух планах: «таким, каким оно выглядело с его наблюдательного пункта, и таким, каким видел поле солдат из окопа, перед которым близко оказался враг». Генерал сознавал свою ответственность перед партией, перед народом, который доверил ему своих сыновей и дело победы, он знал, что солдат несет все тяготы войны и решает победу. Он любил солдат, заботился о них. И солдаты платили ему такой же любовью и уважением.

«История войн», — замечает автор, — не знала такого доверия солдатских масс своему генералу, какое оказали солдаты генералам Советской Армии. Сила этого доверия к генералу была невольна, потому что советский генерал завоевал его в бою и потому что на него распространялось доверие масс своему правительству, Коммунистической партии, ее Центральному Комитету».

Партия научила Ватутину вниманию к человеку, умение разбираться в людях. Он признавал огромное значение тому, чтобы сделать командиром и подчиненным были правильно налажены отношения. Ватутин не только отдавал приказы, но и, называя пример, требовал от генералов и

офицеров, чтобы они прислушивались к мнению подчиненных.

С интересом прочтет читатель главу «Член Военного Совета». В этой главе автор подчеркивает огромную коллективную деятельность Центрального Комитета нашей партии в области военного строительства в годы войны.

Говоря о недостатках книги, следует прежде всего заметить, что над образами людей, с которыми Ватутин соприкасался, автор не порабатал как следует. Слишком контурно наметена интересная фигура деда Григория Дмитриевича Ватутина, начальника Полтавской военной школы Сальникова. Писатель мог бы подробнее образовать, например, молодого генерала Черняховского, сослуживца Ватутина на Воронежском фронте. Многие люди в книге только названы.

Другой недостаток книги состоит в том, что герой ее мало показан в разговорах, встречах с другими людьми (исключенно составитель главы «Снова в родном селе»). Поэтому-то в книге почти нет диалогов.

И еще: писатель умеет достаточно выразительно нарисовать обстановку, в которой находится его герой, и в то же время «забывает» описать их внешность.

Эти недостатки обещают ценную книгу. Однако и с учетом этих недостатков следует признать книгу Михаила Брагина удачным опытом художественной публицистики на военную тему. Этот опыт показывает, какие богатые возможности заложены в этом жанре.

Книга «Путь генерала», раскрывающая черты характера талантливого военачальника, замечательного человека, впечатляет читателя силой примера, она вызывает стремление подражать ее герою. Главные книги, посвященные полководческой деятельности Ватутина, насыщены элементом поучительности, не переходящим, однако, в назидательность, написаны популярно, просто. А давно известно, что написать просто — не легко.

Со страниц книги встает перед читателем образ советского полководца, беззаветно преданного Коммунистической партии, народу, человека незаурядного военного таланта и несгибаемой воли. Письма к жене и дочери дополняют образный облик Ватутина, любящего мужа и отца.

Книга М. Брагина обращена к военному читателю, но ее с интересом прочтет и читатель не военный.

В. КОРОТЕЕВ

ПУТЬ К БЕЗОПАСНОСТИ

Когда господин Бидо еще оставался тем преподавателем истории, каким он был в первой половине своего жизненного пути, и писал передовые в газете «Об», бывшей в те времена органом левых католиков, он призывал читателей уважать демократические принципы, уважать мнение общественности. Однако сейчас создается впечатление, будто эти демократические принципы, за которые господин Бидо ратовал в прежние годы, несколько изгладилась в его памяти. Иначе он не стал бы так упорно зашипать на Берлинском совещании проект создания «Европейского оборонительного сообщества», отвергаемый большинством французских.

Клод МОРГАН, французский писатель

Говоря об отношении французского народа к «Европейскому оборонительному сообществу», необходимо позвать должное Иву Фаражу. Этот славный патриот неустанно убеждал соотечественников в том, что для борьбы против перерождения Германии необходимо слитые всех честных людей Франции. Пусть даже их политические взгляды будут различны, — это надо сделать в интересах Франции и европейской безопасности. И если теперь французам знают, каково значение парижского договора, если могут народное сопротивление преграждает путь к его ратификации, то в этом — большая заслуга покойного Ива Фаража и всего нашего движения сторонников мира. Мы вспоминаем сейчас всех рядовых борцов за мир, которые обходили дом за домом, ждали у ворот заводов и фабрик, у дверей учреждений, чтобы, встретив подчас совершенно незнакомых людей, страстно убеждать их в том, что создание «Европейского оборонительного сообщества» было бы для Франции самоубийством.

Все-таки пытались запугать честных людей угрозами в духе Маккарти. Им говорили: вы компрометируете себя, блокируясь с коммунистами. В одно из недавних воскресений я был в небольшом городке Понтуаз. Там состоялся митинг протеста против создания «европейской армии». На митинге я увидел председателя Ассоциации родственников расстрелянных патриотов. Он приехал из Шату, небольшого городка того же департамента Сена и Уаза. В свое время гитлеровцы совершили в этом городке много массовых убийств. И вот этот человек — активный деятель католических организаций — стоял на трибуне рядом с Матильдой Пери. Знаете ли вы, что такая Матильда Пери? Она — депутат Национального собрания от коммунистической партии, вдова Габриэля Пери, героически погибшего от фашистской пули в 1941 году. Повернувшись к ней, католический деятель из Шату сказал: «Когда мне бросили упрек в том, что я компрометирую себя, блокируясь с коммунистами, я ответил: как бы, пусть я буду «скомпрометирован», лишь бы затронули другие молодые французы не подверглись участи моего убитого сына».

Все французские патриоты радуются тому, что в настоящее время широкие общественные круги выступают против

«Европейского оборонительного сообщества». Правда, сторонники ликвидации французской независимости не унывают: они сейчас намеряются корпеть над сочинением какой-нибудь «новой формулы», которая, на их взгляд, сделала бы более привлекательной все ту же роковую идею возрождения германского милитаризма. Однако французское общественное мнение разоблачит и эти мошеннические трюки.

На кого же могут рассчитывать иррациональные круги, если они все еще надеются ратифицировать ненавистный народу парижский договор? Показуй, прежде всего на магнатов тяжелой промышленности, которые полагают, что эта американская затея в Европе принесет им больше выгоды, чем, скажем, развитие торговли между Западом и Востоком.

Эти круги были бы рады, если бы, вернувшись из Берлина, господин Бидо мог сказать французскому парламенту: «Мы сделали все, что могли, но с Советским Союзом договориться невозможно. Следовательно, у нас нет другого выхода, кроме как ратифицировать договор о «Европейском оборонительном сообществе».

Но сейчас нельзя уже говорить таким языком. Такому языку у нас не поверят. Французский народ, внимательно следивший за ходом Берлинского совещания, знает, что иной выход есть, что альтернатива «Европейскому оборонительному сообществу» имеется. И это другое решение может гарантировать безопасность не только Франции, но и всей Европы. Берлинское совещание показало, что существует реальная возможность для разрешения всех назревших международных проблем.

Несмотря на то, что буржуазные газеты стремились сделать из своих страниц как можно меньше места предложениям Молотова о создании коллективной безопасности в Европе и о нейтрализации Германии, несмотря на многочисленные попытки извратить смысл советских предложений наподобие того, как это сделал господин Даллес, им все же не удалось утаить основные положения этого проекта. Они не смогли скрыть, что на протяжении всего Берлинского совещания Советский Союз выдвигал примирительные и приемлемые для всех предложения. Эти предложения нашли повсюду живой отклик.

Конструктивные предложения Советского Союза на Берлинском совещании оказывают значительную помощь всем патриотам Франции. Они дают нам возможность противопоставить плану «Европейского оборонительного сообщества», как явно не приемлемому для Франции, эффективный план, обеспечивающий действительную безопасность во всей Европе.

Простые люди нашей страны еще на школьной скамье усвоили, что Европа простирается от берегов Атлантического океана до Урала. Они — сторонники этой реальной Европы, великого континента, на котором каждая страна сохраняла бы свой суверенитет.

Французский народ особенно признателен Советскому Союзу за то, что он указал путь к безопасности всех стран Европы, над которыми нависла угроза возрождения германского милитаризма и которых тревожит наличие американских военных баз. Не удивительно, что, возвратившись во Францию, министр иностранных дел Жорж Бидо увидел граждан, преисполненных решимости доказать, что именно народ, — если только он сумеет ясно и твердо выразить свою волю, — делает историю.

ПАРИЖ, 22 февраля. (По телеграфу).

ПИРЕНЕЙСКИЙ ПЛАЦДАРМ ПЕНТАГОНА

По страницам зарубежной печати

В известном заявлении главы советской делегации на Берлинском совещании В. М. Молотова «Германский вопрос и задачи обеспечения европейской безопасности» убедительно показано, какую угрозу миру представляет густая сеть американских военных баз на чужих территориях. «Дело дошло до того», — говорится в заявлении В. М. Молотова, — что Соединенные Штаты Америки заключили специальный договор с Франкистской Испанией. Без такой помощи не мог обойтись в свое время Гитлер. Почему бы и другим отказываться от такого известного союзника?

И вот Франкистская Испания стала одной из многочисленных иностранных территорий, где по-хозяйски устраивается американская военщина.

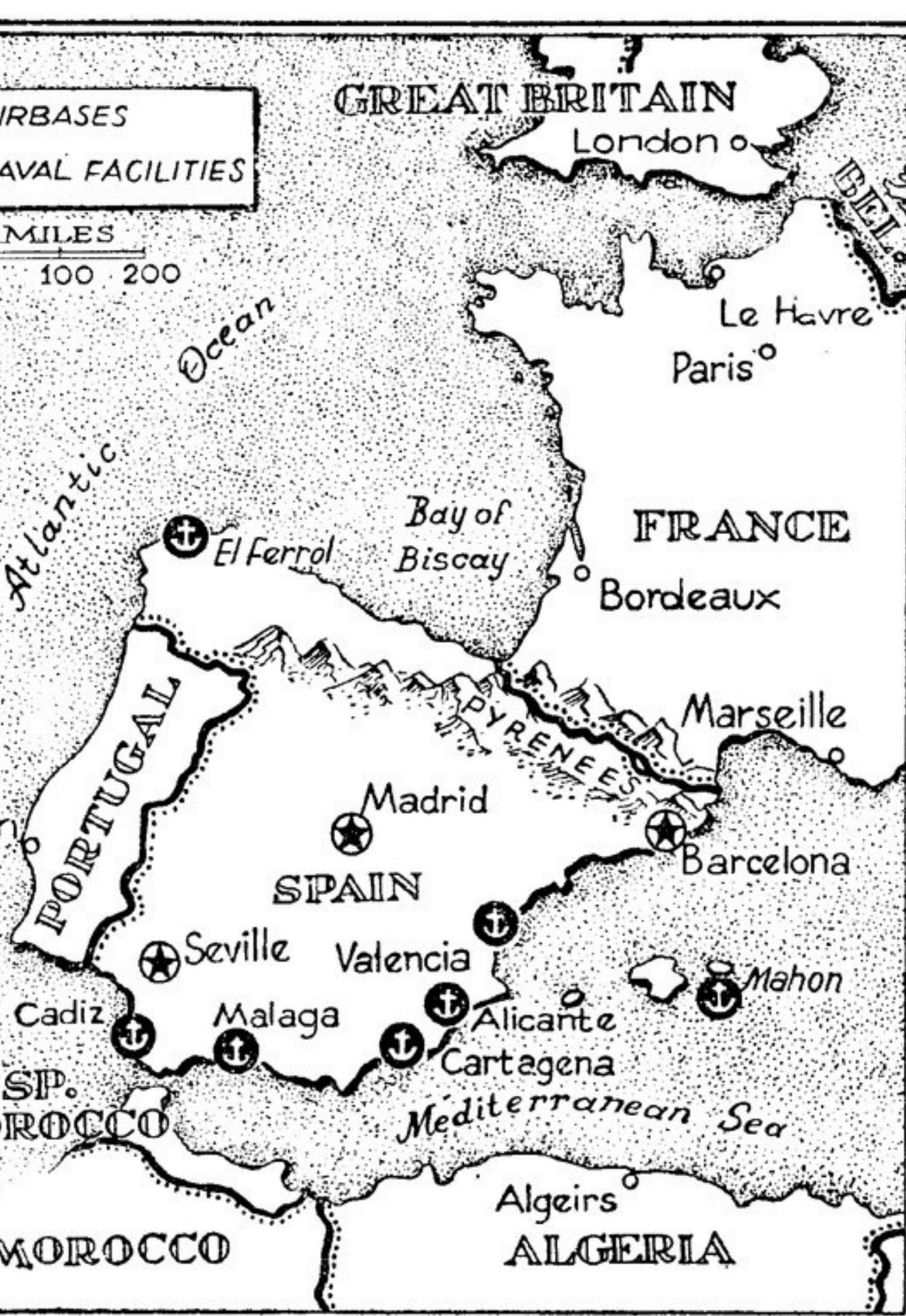
Еще до заключения военного соглашения с Франко газета «Нью-Йорк таймс» открыто писала о том значении, которое имеет Испания в планах агрессивных кругов США. «Это значение», — указывала газета, — заключается в основном, в трех моментах: географическом положении Испании, людской силе и ресурсах...»

Что касается географического положения, то оно, по мнению «Нью-Йорк таймс», предопределяет исключительную стратегическую ценность территории Испании, во-первых, для контроля над западным входом в Средиземное море и южными морскими путями из Европы в Африку и, во-вторых, для ведения в этом районе крупных воздушных и морских операций. В результате соглашения, подписанного с Франко в сентябре прошлого года, США получили право на создание и неограниченное использование военно-воздушных и морских баз на территории Испании.

В опубликованном тексте договора не указывалось, какие именно испанские базы перейдут в руки американской военщины. Однако из сообщений печати видно, что военно-воздушные базы будут созданы, по крайней мере, в районах Мадрида, Севильи, Вурго, Леона, Валенсии, Барселоны, на Балеарских и Канарских островах, а военно-морские — в Кадиксе, Картахене и Эль-Фероле.

Разумеется, эти базы предназначены отнюдь не для обороны Испании, которой никто не угрожает. В США не было недостатка в официальных и неофициальных заявлениях, в которых прямо говорилось, что эти базы направлены против стран демократического лагеря. В частности, «Нью-Йорк таймс» писала: «Авиабазы в Испании имеют такие же преимущества, как и военно-морские базы: выгодное положение для осуществления контроля над водными воротами в Средиземном море и удобные бомбардировочные дистанции от возможных стратегических объектов Советского Союза...» Столь же определенно высказалась и газета «Санди стар»: «Пентагон не говорит об этом, но военно-воздушные силы Соединенных Штатов, очевидно, будут использовать Испанию как базу для «Б-47» (средние бомбардировщики. — А. П.)... Из Испании «Б-47» могут нанести удар по России».

Из иностранной и прежде всего американской печати известно также, что США получили неограниченное право использовать средства массового уничтожения, сосредоточиваемые на базах в Испании. «Дипломатические и военные специалисты заявляют», — признавала «Нью-Йорк таймс», — что статьи, которые позволяют США накапливать атомное оружие на испанской территории, содержатся в секретных частях... соглашения». Этот факт в начале ноября прошлого года был официально подтвержден министром авиации США Талботом, который заявил, что американские базы в Испании будут снабжены атомным оружием.

Эта карта была напечатана в американской газете «Нью-Йорк таймс». На ней указаны важнейшие авиационные и военно-морские базы, переданные франкистским режимом в руки американцев (базы обозначены соответствующими звездочками и якорями). Помимо них, США будут использовать десятки других, более мелких аэродромов и морских баз на территории Испании, Испанского Марокко и принадлежащих Испании островов в Средиземном море.

Создание американского военного плацдарма на Пиренейском полуострове стало фактом. Этот плацдарм является прямой угрозой не только странам демократического лагеря, но и тем народам Западной Европы, Африки и Ближнего Востока, которые сопротивляются ныне американскому диктату. Открытый агрессивный союз Вашингтона с Мадридом направлен и против европейских союзников Америки, в первую очередь — против Англии и Франции.

«Трудно не прийти к выводу», — писала недавно газета «Нью-Йорк таймс», — «обсуждая в редакционной статье последние антиамериканские демонстрации в Мадриде, — что то, что мы наблюдаем в Испании, является военным следствием подписания осенью 1953 года соглашения о военной помощи с США. Антиамериканская и антифранцузская пропаганда в печати, радио и, наконец, в форме демонстрации резко усилилась после заключения соглашения, как бы для того, чтобы отвлечь внимание от американцев».

Как видим, заключение военного договора США с испанским франкизмом — одно из многочисленных свидетельств того, что американские правящие круги, много говоря о своем «миротворении», в действительности направляют свои усилия не на ослабление, а на дальнейшее обострение международной напряженности.

А. ПУХОВ

НА СПОРТИВНЫЕ ТЕМЫ

Международные встречи продолжают

В минувшее воскресенье в шведском городе Фалуне закончилась состязания на первенство мира по лыжам. Мы уже сообщали, что Владимир Кузин 14 февраля, завоевав первое место в гонке на 30 километров, был награжден золотой медалью чемпиона мира. 20 февраля советские лыжники получили серебряные медали, заняв второе место в эстафетном беге 4x10 километров. 21 февраля состоялась последняя гонка — так называемый «лыжный марафон» — 50 километров по сильно пересеченной местности. На старте было сорок два спортсмена. Как сообщают, Кузин с самого начала предложил такой высокий темп, что встревожились даже тренеры. Однако Кузин, впервые участвовавший в «лыжном марафоне», не снижал скорости. Его результат — 3 часа 2 минуты 58 секунд — оказался лучшим.

Так вторично на этих соревнованиях 23-летний студент Владимир Кузин был увенчан лавровым венком чемпиона мира. Другой советский лыжник — Ф. Гердт — занял шестое место в гонке на 50 километров.

Известно, что женщины впервые участвовали во всемирном лыжном чемпионате. Высокие результаты показали наши спортсменки. Любовь Козырева выиграла 21 февраля гонку на 10 километров. Вторую золотую медаль она получила за победу нашей команды, занявшей первое место в эстафете 3x5 километров. В составе команды, кроме нее, были Маргарита Масленникова и Валентина Царева.

Таким образом, из одиннадцати золотых медалей, врученных в Фалуне, советские лыжники завоевали шесть. Шведская печать называет выступления наших спортсменок величественными, пишет, что соревнования лыжников проходили при явном преимуществе спортсменов СССР.

Радуюсь за наших мастеров и отдавая им должное, нельзя не отметить, что мы все еще отстаем в горно-лыжном спорте и джорджинге (гонка на 18 километров и прыжки с трамплина). Наши джорджинги и горнолыжники не смогли поэтому принять участия в первенстве мира.

В тот самый день, когда в Фалуне состоялись советских чемпионов мира, на стадионе другого шведского города — Эстерсунда — зрители приветствовали советских спортсменов мира по скоростному бегу на коньках среди женщин, а также Риму Жуккову и Софью Кондакову, занявших второе и третье места.

Радуюсь за наших мастеров и отдавая им должное, нельзя не отметить, что мы все еще отстаем в горно-лыжном спорте и джорджинге (гонка на 18 километров и прыжки с трамплина). Наши джорджинги и горнолыжники не смогли поэтому принять участия в первенстве мира.

Надо отметить, что особенно довольны этими победами в Фалуне и Эстерсунде, должны быть ленинградцы. Все новые советские чемпионы мира по лыжам и конькам — В. Шилков, Л. Козырева, М. Масленникова, В. Царева и Л. Селихова — ленинградцы.

Заметно повзрослела и техника наших фигуристов. Несколько дней в Москве продолжались выступления мастеров фигурного катания СССР, Чехословакии, Венгрии и Германской Демократической Республики. Еще года два назад в таких встречах наши спортсмены выступали намного хуже зарубежных. Ныне успехи советских фигуристов признают все спортивные авторитеты. Самое приятное заключается в том, что Советский Союз представляет, как правило, юные спортсмены в возрасте от тринадцати до шестнадцати лет. Речь теперь идет о том, чтобы создать широкую сеть летних катков, давая возможность молодежи тренироваться круглый год.

Любителям спорта предстоит еще много волнений. На этой неделе в Стокгольме начнется розыгрыш первенства мира по хоккею между командами восьми стран, в том числе СССР, Чехословакии, Швеции, Канады и др. В Москве состоится матч по русскому хоккею между командами СССР, Финляндии, Норвегии и Швеции. В Ленинграде, где на днях наши гимнастки выиграли товарищескую встречу у команд Венгрии, Чехословакии и Германской Демократической Республики, предстоит товарищеский матч между гимнастками СССР, Чехословакии и Финляндии.

ОБЗОР

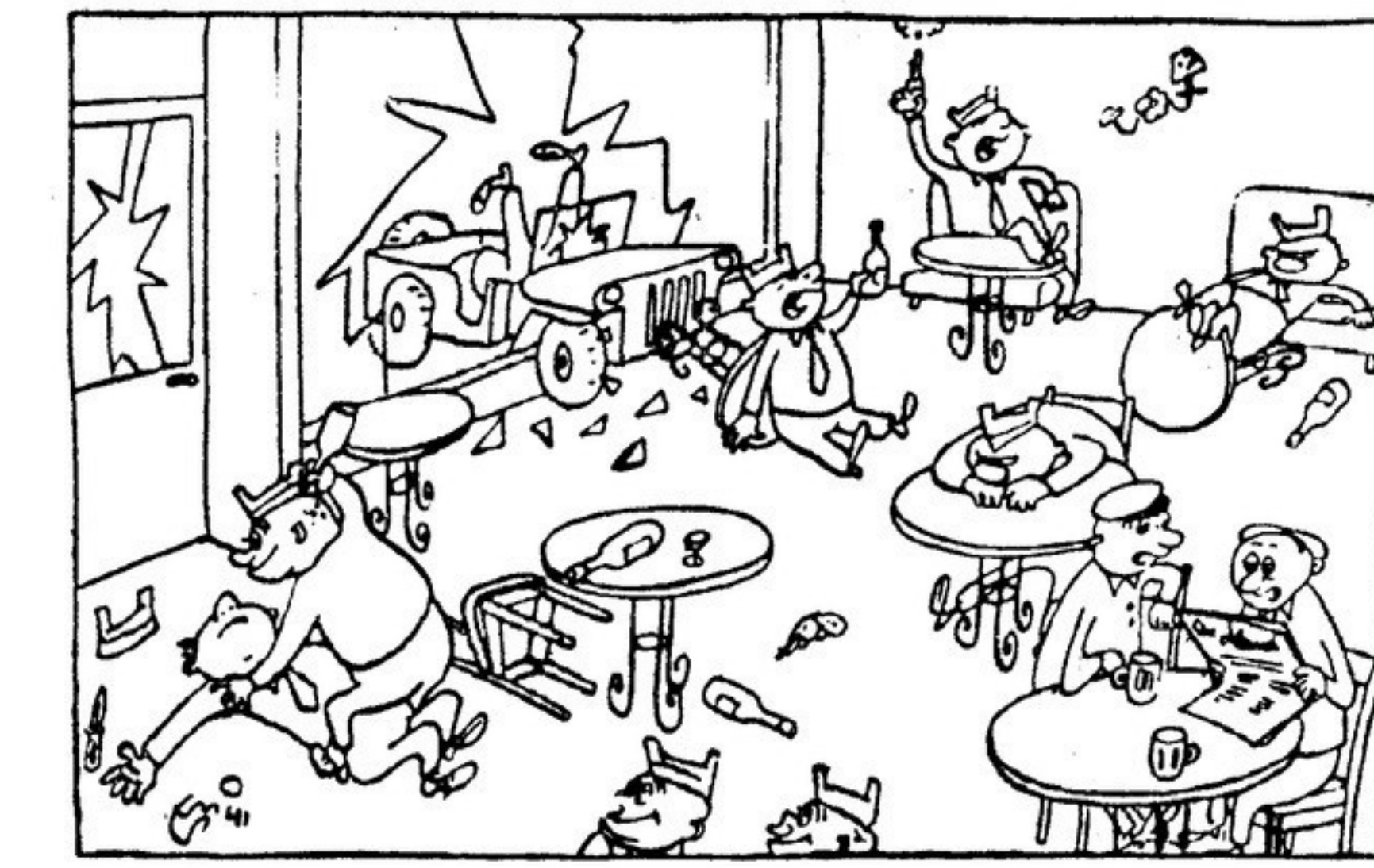
Демагогия в эфире

Итальянское радио недавно ввело новый цикл передач для молодежи — «Завтрашний день». Начиная первую программу, диктор объявил слушателям, что передачи цикла «Завтрашний день» преследуют цель «помочь молодым людям осознать проблемы их будущего и быстро обрести спокойную и счастливую жизнь». Если сегодня в Италии существует безработица, то это является следствием «уверла диктора», «ошибочного выбора профессии». Поэтому молодой человек, решая вопрос о том, какое избрать занятие или профессию, должен учитывать «возможность устроиться на работе в той области, которая еще не испытывает излишка людей».

В результате проведенного итальянским парламентом обследования, пишет римская газета «Унита», было установлено, что в Италии сейчас насчитывается свыше миллиона безработных юношей и девушек. Известны также истинные причины этой огромной безработицы — упорное нежелание итальянских правящих кругов проводить политику, действительно отвечающую национальным интересам, и осуществлять необходимые социальные реформы.

Все это очень хорошо известно руководителям римского радио. Но, являясь частью пропагандистского аппарата правящих кругов, они пытаются сбить с толку итальянскую молодежь, демагогически объявляя ее в «неумении избрать профессию» — будто в этом дело! — и таким образом примирить ее с мыслью о безработице. Тщетные уловки!

Главный редактор Б. ЮРИКОВ. Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), А. КРВИЦКИЙ, В. ОЗЕРОВ (зам. главного редактора), К. ПАУСТОВСКИЙ, Н. ПОГОДИН, С. СМРНОВ.

Немец, читающий западноберлинскую газету. — другому немцу: «Здесь написано, что Аденауэр против вывода американских войск из Западной Германии, так как это будет иметь отрицательные последствия. — Вполне возможно. Я бы, например, сошел с ума от радости».

Армия-освободительница

Не раз приходилось мне встречать в наших городах и селах такую картину: входящий в простую квартиру рабочего или в дом крестьянина и на стене, среди фотографий Праги, Яна Гуса перед судом, среди свадебных фотографий или снимков родных и детей вдруг видишь скромную, иногда уже выцветшую фотографию молодого парня или пожилого усаца в гимнастерке, улыбающегося или серьезного, с оружием или без оружия, в военной фуражке или шилтке со звездочкой, а то и без головной убора.

— Кто это? — спросит хозяйка. А она с гордостью, с нежной любовью и грустью, словно речь идет о сыне, находящемся где-то очень далеко, скажет: — Это наш Василий... А это Митя... И в слове «наш» звучит большое чувство любви. И если ты захочешь узнать фамилию Мити, Васи или Коли, то это оказывается часто трудным делом. Хозяйка или забыла фамилию или не спросила ее, когда в чудесные месяцы лета 1945 года Митя сидел вместе со всеми вот за этим столом, помогал по хозяйству, а вечерами рассказывал о своей далекой Родине и ползающих там пещерах.

Митя, Вася, Коля — это все простые солдаты Советской Армии, которые освободили нашу страну, заслужили вечную любовь чехов и словаков, теплые признания «наших». О них, русских солдатах, в чехословацких деревнях и городах всегда вспоминают, как о самых близких родных братьях или сыновьях.

Ян ДРДА

цветов. Любовь к освободителям еще более окрепла, выросла, стала еще более прочной оттого, что мы лучше узнали друг друга.

«Наш Митя», который рубает сегодня уголь в Караганде или сидит за рулем трактора, бороздящего поля Украины, остался таким же близким и дорогим для простых чехословацких людей. Он и сейчас имеет своих друзей «мамашу» и «папашу» где-нибудь в югочешской деревне, «мамашу», которая с любовью бережет фотографии человека, чей образ глубоко запал в благодарное материнское сердце.

Да, это правда, что освободительный поход Советской Армии принес нам не только свободу и новую жизнь, но и теснейшим образом соединил судьбы наших народов и наших стран в борьбе за счастье простых людей. Советские солдаты принесли нам, как братья. Приход советских людей раскрыл творческие силы народа, их животворный пример вдохновил сотни тысяч и миллионы простых тружеников. Проявление Советской Армии в нашей стране не только не стесняло свободы народа, наоборот — принесло действительную свободу.

Эта великая правда запала глубоко в сердце всех честных чехов и словаков. Сколько раз, когда наши люди в 1945 году вели задуманные беседы с советскими солдатами о будущем своей родины, они слышали от советских товарищей: — Ваше будущее — в наших руках.

многих чешских и словацких городах и селах воздвигнуты десятки и сотни памятников в честь Советской Армии и готовы открытые новы. Эти памятники воздвигают от всей души свободный и глубоко признательный своим братьям чехословацкий народ. Их воздвигают простые люди, в сердцах которых не иссякает любовь. Они никогда не забудут, что означал для них, для их жизни, для их детей приход Советской Армии.

И не случайно, что самый распространенный вид монумента, который встречается у нас, изображает советского воина, держащего на руках радостно улыбающегося чехословацкого ребенка. Многие наши лучшие скульпторы выбрали именно этот сюжет, как наиболее типичный, как самый близкий чувствам наших людей, всего народа. А сколько стихов, рассказов, песен, картин, симфоний, пьес, фильмов и других произведений искусства, созданных самими выдающимися художниками, появилось в Чехословакии, Польше, Румынии, Болгарии, во всех странах, где была слышна освободительная поступь Советской Армии, сколько создано произведений о советском воине-освободителе.

Армия, которую приветствуют и с которой по-братски с песнями прощаются люди, армия, которая способствовала возникновению стольких художественных произведений и в стольких землях, армия, которая живет в народных песнях как великий друг народов, — все это навеки запечатлено на страницах мировой истории.

Трудно, очень трудно и даже невозможно представить себе, чтобы кто-нибудь где-то в Западной Европе поставил сейчас монумент американским солдатам, американской армии, монумент, подобный тем монументам советским воинам, что украшают наши города, — солдат с ребенком на руках, с букетом сирени. Нет в Западной Европе таких скульптур, стихов или симфоний,

которые были бы посвящены оккупационной армии — армии Соединенных Штатов Америки.

Есть только три слова, которые страстно провозглашают простые люди в капиталистических странах и которые сотни тысяч рук пишут на стенах и транспарантах: «Ами гоу ху!».

Эти мысли, эти сравнения невольно возникают в сознании всех честных людей сейчас, когда только что закончилась Берлинская конференция министров иностранных дел четырех держав. Советский Союз еще и еще раз продемонстрировал перед всем миром советскую мирную политику. Виссенные Советским Союзом предложения открывают реальную перспективу для урегулирования германского вопроса, вопросы европейской безопасности, а также и австрийского вопроса.

Я твердо убежден, что миллионы простых людских сердец одинаково радостно забьются, будь то в Германии или во Франции, или в любой другой стране, когда мир услышит мудрые, проникновенные слова товарища Молотова, который говорит от имени советского народа. Миллионы простых людей принимают советские предложения, любой в них заложены глубоко чело-вечные, мудрые и гуманные решения. Они принимают их, как действительное проявление моральной высоты и моральной превосходства советской внешней политики, как проявление глубокой ответственности за судьбы всей Европы, за будущее всего мира. Советский Союз, подвигший в 1945 году в Берлине знамя победы над фашистскими полчищами, сегодня поднимает в том же городе знамя всеобщего мира и взаимопонимания между народами, знамя счастливого будущего всего человечества.

И как в эти дни не вспомнить об исторической роли Советской Армии-освободительницы, освободительницы не только европейских народов, стоявших под игом гитлеровской оккупации, но и освободи-